

«Раз он выжил в лавине и сумел спасти меня, значит, он явно сильнее обычного наёмника... Наверное?»

Маги Бездны не зря в шутку называли себя «деревенщинами из Бездны». Большинство из них всю жизнь проводили в стенах своего приюта, оставаясь полными невеждами в том, что касалось законов внешнего мира. Даже когда их отправляли на задания, они обычно просто сбивались в кучки, выставляли магические щиты и засыпали массу заклинаниями, после чего сразу возвращались обратно.

К тому же, если судить игровыми мерками, маг — это типичный «дальнобойный ДД», а рыцари или наёмники для них были лишь фигурами, на которые они мельком смотрели издалека. Всё, что они знали о физически тренированных людях, ограничивалось фразами вроде: «О, смотри, вон там мечники машут щитами и клинками» или «Говорят, на востоке объявился рыцарь, который в одиночку пришиб столетнего дракона!».

«Интересно, если сэра Блум и Яну сцепятся, кто победит?»

Вспомнив, как свободно Яну передвигался с завязанными глазами, Эйра решил, что тот, скорее всего, одержит верх. В этот момент он издал короткий вскрик, в котором не было ничего томного. Яну снова укусил его в то же самое место, что и раньше. Когда Эйра, нахмурившись, попытался отдернуть руку, Яну с громким «чмок» поцеловал место укуса. Сначала укусил так, что на коже наверняка останется синяк, а теперь прикидывается ласковым.

— А ты неплохо держишься. Видимо, тебе ещё не очень-то и хорошо? Прости, я буду стараться лучше.

— А, нет!..

Прежде чем Эйра успел выкрикнуть, что «стараться» вовсе не обязательно, его рот заткнули. Он инстинктивно попытался отстраниться, но Яну пресёк это движение. Одной горячей ладонью он обхватил затылок Эйры, а большим пальцем слегка надавил на сустав челюсти, углубляя поцелуй.

— М-м, м-м-м...

В рот, невольно приоткрывшийся от неожиданности, скользнул мощный язык. «Если у него такие огромные руки, значит, и там всё большое... и язык тоже?» — отрешённо подумал Эйра, в котором ещё теплились остатки самообладания. Он хотел было в отместку укусить Яну, но стоило тому сильнее сжать пальцы на его шее, как Эйра, опасаясь последствий, послушно раскрыл рот шире.

Язык Яну был даже горячее, чем его ладони. Он с силой ворвался внутрь, а затем, отстранившись, принялся влажно облизывать уголки губ Эйры. Тот уже был готов к поцелую, но Яну вместо этого стал вылизывать его челюсть и щёки.

«Точно пес».

Эйра запрокинул голову, давая понять, чтобы тот перестал его лизать, но Яну тут же последовал за ним и снова прильнул к губам. На этот раз Эйра плотно их сжал, однако Яну так больно надавил на челюсть, что пришлось снова сдаться.

— У-у, м-м...

Эйра невольно нахмурился. Яну резко втянул его язык в свой рот. Он раз за разом облизывал и прикусывал его припухшие губы и влажный язык. Словно лакомясь изысканным блюдом из глубокой чаши, он досконально исследовал и высасывал нежную плоть и влагу во рту Эйры. С каждым движением раздавались влажные, чавкающие звуки.

Разве это можно было назвать поцелуем?

Яну обхватывал кончик его языка и посасывал его, словно леденец. Когда Эйра, не выдержав, пытался отстраниться, твёрдый язык Яну больно тыкался в чувствительную уздечку под языком. Это движение, так недвусмысленно напоминающее сам акт соития, было невыносимым. Стоило Эйре попытаться вытолкнуть чужой язык своим, как Яну, раззадорившись, проникал ещё глубже. От стимуляции слюнные железы работали на пределе, и Эйра едва успевал сглатывать.

Он рефлекторно глотал скопившуюся влагу, чувствуя, как уши начинают пылать. Это не был поцелуй в привычном смысле. Это была односторонняя издёвка и ласка, граничащая с грабежом. Эйра хотел остаться бесстрастным, что бы с ним ни делали, но это оказалось решительно невозможно.

— Х-ха... подо... жди...

Едва он смог выговорить это, как его тут же настигли и снова заткнули рот. На этот раз это был настоящий, глубокий поцелуй. Его протестующие звуки тонули в чужом рту.

Язык Яну казался не просто частью тела, а плотным, живым стержнем. Он жадно и властно хозяйничал во рту Эйры, по-хозяйски оглаживая нёбо. Кончик его языка кружил по твердым бугоркам, проникая всё глубже и глубже. И наконец он коснулся самого нежного и чувствительного места у основания горла, едва не вызвав рвотный рефлекс.

— ...!

Эйра вздрогнул всем телом, пытаясь вырваться, но Яну придавил его своей массой. Неужели человеческий язык может заходить так глубоко? Впрочем, вопросы исчезли, когда рука Яну, до этого просто покоившаяся на талии, пришла в движение. Продолжать здраво мыслить стало невозможно.

Яну доводил его до одышки, буквально высасывая воздух, и умело ласкал кожу, которая начинала гореть под его пальцами. Он чутко улавливал каждое вздрагивание Эйры — стоило пальцу коснуться чувствительного места, как Яну тут же возвращался к нему, поглаживая снова и снова.

Казалось, его нестерпимый жар передаётся Эйре.

Холод был забыт; под бледной кожей разлилось томительное тепло. Прямая спина дрогнула и медленно изогнулась. Наслаждение распространялось по телу, словно лесной пожар, и Эйре казалось, что он буквально поглощает чужую похоть ртом.

Как бы он ни старался, он не мог игнорировать эти касания.

Оглаживая и лаская кожу, Яну в конце концов отыскал эрогенную зону, о которой не знал даже сам Эйра. Каждый раз, когда ногти Яну слегка царапали изгиб от поясицы к ягодицам, Эйру прошибал разряд, похожий на невыносимую щекотку, и его тело невольно выгибалось. Приглушённые стоны срывались с губ, а голова запрокидывалась назад.

После долгих и настойчивых ласк Эйра внезапно сжал бёдра и попытался натянуть на себя плащ, чтобы прикрыться. Заметив это, Яну силой вырвал ткань из его подрагивающих пальцев.

— Ну что, теперь тебе стало лучше?

Яну наконец прервал этот бесконечный поцелуй и принялся покрывать поцелуями его губы, щёки и покрасневшие веки. Эйра несколько раз пытался забрать плащ назад, но потерпев поражение, лишь закусил припухшую губу и отвернулся. Он был в смятении, но в то же время его пальцы мелко дрожали от внезапно вспыхнувшего ожидания. Сказать, что ему «стало лучше», не позволяла последняя капля гордости.

Так и не дождавшись ответа, Яну на время прекратил свои издевательские ласки и заботливо заправил прядь растрепанных серебристых волос Эйры ему за ухо. А затем точно так же неспешно откинул плащ с его плеч.

Без плаща обнажённое тело предстало перед ним во всей красе. Между бёдер, которые Эйра так хотел скрыть, уже было заметно явное возбуждение. Эйра отчаянно надеялся, что его дрожь можно списать на холод. Уж точно он сидит на коленях этого человека в одних сапогах лишь потому, что ситуация сложилась так неловко...

Яну обхватил ладонью его щеку. Ему, видимо, нравилось трогать мягкую и прохладную ушную раковину — он долго ласкал её, прежде чем рука медленно двинулась вниз. Покрасневший от стыда Эйра смотрел куда-то в стену иглу, но в конце концов снова опустил голову. Скрытые за серебристыми ресницами серые глаза подернулись дымкой возбуждения, зрачки расширились.

Яну бесцеремонно сжал грудь Эйры. Тело мага не отличалось ни жирком, ни особой мускулатурой, поэтому Эйра поморщился от боли, и Яну тут же ослабил хватку.

Расслабленные пальцы обвели ореолы сосков, а затем сильно нажали на сами соски. Нарочно дразня, Яну раз за разом потирал их кончиком указательного пальца, заставляя соски затвердеть и вытянуться. Щеки Эйры вспыхнули ещё ярче.

Когда рука, ласкавшая грудь, скользнула ниже, сердце Эйры забилося ещё неистовее. Во рту пересохло. Из-за того, что он сидел на бедрах Яну, его бёдра были естественно разведены, оставляя пах совершенно открытым и незащищённым.

Внезапно Яну широко развел свои ноги. В образовавшемся пространстве что-то резко дернулось вверх и ткнулось в ягодицы Эйры. От этого пугающего контакта его спина, начавшая было оседать, тут же выпрямилась. Тяжелая плоть продолжала ритмично биться снизу — тук, тук, тук, — и при каждом ударе ноги Эйры непроизвольно вздрагивали. Хотя он и слышал обещание «не входить», по позвоночнику до самого затылка пробежали ледяные мурашки.

Рука Яну лишь едва касалась его члена, проходя мимо и сосредоточившись на ласках внутренней стороны бедер. Глядя на застывшего и мелко дрожащего от напряжения Эйры, Яну хмыкнул и крепко сжал белое бедро, оставляя на нём следы пальцев.

— Слушай, а у всех в Соладо член такой розовый и красивый?

— Почему... ты спрашиваешь это... у меня? У тебя же... было много любовников...

Эйра хотел огрызнуться в ответ на этот дерзкий вопрос, но его голос сорвался и задрожал. Указательный палец Яну коснулся головки. Когда он начал медленно потирать область вокруг отверстия уретры, сознание на мгновение помутилось. С трудом проглотив стон, Эйра выдавил:

— Видимо... твоими любовниками... были только женщины?

— Да нет, скорее, мне просто было не до того, чтобы рассматривать, что там между ног. И мужчинам, и женщинам важнее всего дырка, в которую собираешься войти. Разве нет?

Эйра не ответил. По крайней мере, он так думал. Но когда Яну, вонзив ноготь, провел по самой чувствительной плоти возле уретры, стало ясно: он не «не ответил», а «не смог ответить». Перед глазами всё поплыло. Эйра попытался оттолкнуть блуждающие по его паху пальцы, но Яну перехватил оба его запястья одной рукой.

— А! Не надо... не делай...

— «Не делай» что? Вот так?

Яну снова прижал ноготь к уретре. Он сделал движение, будто собирается надавить, и когда Эйра съёжился, начал легонько подталкивать палец внутрь и нажимать.

— Или ты про это?

На этот раз Яну обхватил головку только большим и указательным пальцами. Не касаясь ничего другого, он начал перекатывать её и нежно массировать, словно драгоценную жемчужину. Эйра почувствовал, как дыхание перехватило, а возбуждение подступило к самому горлу.

— Ну что, теперь тебе лучше?

Гордость не позволяла Эйре вымолвить ни слова — он лишь тяжело и часто дышал. Яну пробормотал: «Видимо, всё еще нет», и снова задвигал пальцами. Когда нажим стал сильнее, остатки рассудка начали стремительно рушиться. Пушковые волосы на затылке встали дыбом.

<http://bllate.org/book/14410/1273944>